

Одиночество Лины

Расселл Дайер

Lorem Ipsum

A Silent Killdeer Publishing
New Orleans • Milan • Moscow
asilentkilldeer.com

16+

Расселл Дайер
Одиночество Лины

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дайер Р.

Одиночество Лины / Р. Дайер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Лина современная успешная девушка: работает финансовым аналитиком в международной компании, на хорошем счету у начальства. В свободное время встречается с молодыми людьми и с приятельницей Лекси. Внешне у нее все замечательно, но внутри она страдает от одиночества. "У меня нет друзей, и мне никто не нужен", - она неустанно повторяет сама себе, стремясь закрыться от других, словно за дверью. Но однажды ей встречается старушка-предсказательница, которая пытается убедить Лину в обратном.

© Дайер Р., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава первая

Она медленно просыпается. В комнате пахнет хлоркой. Этого она больше всего и не переносит в больнице: убивающий запах, белый довлеющий кафель и свет, а еще эхо голосов людей, сдержанно перебрасывающихся словами, шум оборудования, расположенного где-то в конце коридора. Все эти звуки ударяются в продезинфицированные стены и потолки, которым абсолютно безразличны ко всему: звукам, свету, любви. От этих стен они отскакивают и больно бьют по лицу.

Она открывает глаза, но свет ослепляет, и она их снова закрывает. Головная боль, ранее не заметная, проносится через виски. На губах чувствуется какой-то металлический привкус.

Она всхлипывает, пытаясь сглотнуть, но в следующую же минуту съеживается от резкой боли, словно ящерица. Складки простыней больно кольнули. Она сразу вспомнила свои простыни из египетского шелка, дорогие, по восемьсот долларов. Мать купила их на распродаже, за полцены, а потом подарила ей в купленную квартиру.

Мысли о шелковых простынях прерывает острая боль, возникшая внизу живота и моментально поднимаясь вверх. Широко открыв глаза, она резко вздыхает с открытым ртом, а выдыхает резко, урывками, как при родах. Она вдруг вспоминает, как сюда попала, и что они с ней сделали.

Она поворачивает голову на бок, но мысли не отступают. От этого на глаза проступают слезы, но боль становится сильнее и концентрируется в одном месте, словно нанося точечный удар. Она всхлипывает, и готовится жить с этой болью – с физической, которая скоро пройдет, и с душевной, которая будет длиться гораздо дольше.

Дверь палаты почему-то открыта. По коридору проходят две медсестры. Очевидно, они чем-то не довольны – то ли тем, что смена слишком длинная, то ли тем, что с какой-то из них плохо обходится один из докторов. Она не может разобрать – мысли все еще путаются, и в голове туман.

Она оглядывает палату. Не все лампы включены, и от этого свет приглушен, или не такой яркий, как казался сначала. Она замечает другую женщину, спящую на соседней кровати. Рядом с женщиной, в кресле около окна, дремлет мужчина. Его тело скосилось во сне, а голова плавно покачивается. На вид ему лет двадцать пять – двадцать семь. Взгляд вновь переводится на спящую женщину. Бледная, не накрашенная, та выглядит, как невинная девочка, хотя они с мужчиной явно ровесники. У спящих нет колец на пальцах, но по их виду все равно понятно, что они супружеская пара. При этой мысли она снова глубоко вздыхает, на лице появляется гримаса, от чего резко болит низ живота, и она закрывает глаза. Мысль о том, как все в ее теле и ощущениях взаимосвязано, одновременно и раздражает, и удивляет ее. Она открывает глаза, пытаясь осознать, что ей пришлось пережить, и сколько всего связано с этой болью внизу живота.

Снова поворнувшись посмотреть на спящую соседку по палате, она замечает цветы, розовые шарики, мягкие игрушки на тумбочках и подоконнике, еще и с подписанными врученную открытками. Она оглядывает пустые тумбочки возле своей кровати – ни цветов, ни открыток с пожеланиями скорейшего выздоровления. У этой соседки уже точно есть ребенок, крошечная девочка, и ей по праву все эти празднества, но ведь если женщина потеряла ребенка, ей можно принести цветы и открытку с сожалениями? Но нет – по обе стороны кровати стоят пустые тумбочки, как равнодушные стражи ее боли. Нет ни малейшего знака, что она нужна кому-то. У нее нет друзей.

При мысли об этом, она слегка поднимает левый уголок губы, при этом напрягается щека, и выходит какое-то подобие улыбки. Она кивает головой, как бы соглашаясь, что то, что с ней произошло, вполне стоило ожидать, и даже в некоторой степени забавно, хотя ей совсем не до

смеха. На нее никто не обращает внимания, но у нее не пропадает ощущение, что весь мир рассматривает ее под микроскопом, и ей приходится держать ответ. Она произносит вполголоса: «Никому до меня нет дела». Затем, спокойно вздохнув, добавляет: «Ну и пусть. Мне тоже никто не нужен».

Женщина на соседней кровати пошевелинулась и, мягко улыбаясь, стала медленно просыпаться. Она взглянула на спящего, предположительно, мужа. В улыбке соседки теперь чувствовалась любовь, и она потянулась к нему, погладив по руке. Он, вздрогнув, проснулся, несколько смутившись, что заснул «на посту».

– Привет, милый, – сказала женщина мягким голосом.

– Привет, – ответил он машинально, глаза его при этом задвигались, пытаясь понять происходящее. – Хочешь чего-нибудь?

Она покачала головой.

– Воды хочешь?

Он встал и, не дожидаясь ответа, начал наливать ей в чашку воду из пластикового кувшина горчичного цвета.

– Нет, спасибо, – сказала она, все еще улыбаясь.

Он дал ей чашку. Женщина отпила немного, а затем, поблагодарив, вернула ему чашку. Он сказал «на здоровье».

Лина смотрела, как ее соседка по палате пьет из чашки, и ей тоже захотелось пить. Еще хотелось, чтобы кто-нибудь налил ей в чашку воды. Она и сама могла – на ее тумбочке тоже стоял пластиковый кувшин, но решила прежде ополоснуть рот. На губах все еще чувствовался металлический привкус. Пить она передумала, лишь закрыла глаза и сама не поняла, как заснула.

Между ней и этой женщиной задернули занавеску, и они не видели друг друга. Но в палате стало светлее: включили все лампы, да и дневной свет стал ярче. Было утро. Она слышала, как люди живо о чем-то болтали. Мужчины и женщины, все разного возраста. Среди них была маленькая девочка, лет шести. Лина пыталась различить голоса в этом сонме разговоров, людей разного пола и возраста. Кажется, там слышались голоса гордых бабушек и дедушек, тетей и дядей, и вроде бы друзей, но их было слишком много в этой слишком маленькой палате.

Она слышала странные короткие звуки, выражающие недовольство. Очевидно, это пищал младенец. Как только младенец издавал какой-нибудь чих, или писк, все сразу принимались одобрительно комментировать.

Лина закатила глаза: ей не нравилось это идолопоклонство.

Тут она вспомнила про маленькую девочку в этой толпе посетителей. Малышка прислонялась к занавеске, как будто это стена. Когда девочка отклонялась, то чуть не падала, но все равно продолжала отклоняться. Кажется, ей просто хотелось посмотреть, кто там, за занавеской.

Лина непроизвольно улыбнулась девочке, но улыбка сразу перешла в усмешку. Девочка улыбнулась в ответ, сказала: «Привет!» – дружески и невинно.

Лина поймала себя на мысли, что ей совсем не нравится это вторжение. Это удивило ее, поскольку детей она любила, но, видно, из-за боли в ней разыгрались эти низменные чувства. Все же эта девчонка пробудила в ней что-то, что она не могла объяснить, что-то, к чему не хотелось быть причастной. Она желала прогнать эту девчонку, сказать, чтобы та не лезла не в свое дело и вообще не вмешивалась в ее жизнь. Она знала, что это будет ужасно, и что это будет не она, если скажет это ребенку. Неожиданно из-за занавески выглянула какая-то женщина и крикнула девочке отойти от занавески.

Кто-то сказал, что это вообще-то послеродовая палата и как странно, что здесь еще и другие пациенты. Новоиспеченная мама сказала шепотом, но достаточно громко, чтобы все вокруг услышали:

– Мне медсестра сказала, что у нее был выкидыш.

– Ох, бедняжка, – сказала пожилая женщина, очевидно бабушка.

Последовали возгласы и бормотания сочувствия. Девочка заглянула за шторку и печально посмотрела на Лину. Лина тепло улыбнулась, на этот раз без отторжения. Ей нравилось это сочувствие, но девочку опять кто-то резко одернул.

– Все равно, ей нельзя быть в этой палате, – сказал тот же самый голос, продолжая протестовать.

– Я знаю, но медсестра сказала, что другие палаты переполнены, и это в виде исключения, – объяснила новоиспеченная мать.

– Все нормально. Я не возражаю.

– А где отец у этой несчастной? – громко прошептал один из дедушек.

«И где это, правда?» – подумала Лина. Когда произошла авария, машину вел он. Сам отделался лишь легким испугом и незначительными повреждениями: никаких переломов, никаких потерь и беспокоиться не о чем. «Но зато когда он придет, то без потерь не обойдется – меня-то он точно уже потерял», – подумала Лина. «Ну и пусть, что подумает, что потеря-то невелика», – ухмыльнулась Лина. Она вдруг остро почувствовала злость к нему, как будто вся ее способность ненавидеть вдруг сфокусировалась на одном человеке.

Какая-то девушка, предположительно кто-то из тетей малыша, одернула дедушку, сказав: «Ну папа, не так громко! Она же слышит».

Лина услышала, как шелестит больничный халат. Недавно родившая пациентка, наверно, поворачивалась на другой бок. Затем она же спросила:

– Милый, к ней же никто не приходил, верно?

Вопрос, вероятно, был направлен отцу.

Ее молодой муж заключил в умном тоне:

– По крайней мере, я не видел.

– Так нельзя! Просто ужас, – сказала вторая бабушка.

– Я вообще сомневаюсь, что отец существует, – вступил вновь первый дедушка, теперь уже тише.

Но отец у ее ребенка правда был, и его зовут Мишель. По его вине все и произошло: по его небрежности она забеременела, из-за его разгильдяйства потеряла ребенка.

Возгласы и некоторые неодобрения в ее адрес еще слышались какое-то время. Лина ждала, когда они стихнут. Она надеялась, что девочка снова заглянет и посмотрит на нее с сочувствием, но в палату пришла медсестра и заявила, что собирается унести ребенка из палаты поспать. Группа присутствующих попыталась возражать, но, как правило, в таких вопросах сестринский авторитет все равно берет верх. Они целиком переключились на новорожденного, стали его чмокать и посылать воздушные поцелуи. Лина их больше не интересовала.

Как только ребенка унесли, они также быстро потеряли интерес и к матери, а вскоре совсем ушли, оставив его на поруки супруга. Когда они проходили мимо Лины, то бросали на нее неловкие взгляды, печально улыбались, но, казалось, натянуто. Некоторые посматривали с осуждением. Девочка же, напротив, путаясь у них под ногами, улыбнулась и помахала ей. Лине от этого стало хорошо. Она слегка приподняла руку и, как бы скрываясь, помахала в ответ.

Парня Лины и отца ее несостоявшегося ребенка звали Мишель Лефарж. Ближе к обеду он все же пришел навестить ее. Он высокий, сантиметров на десять выше Лины, хотя и младше ее на год. Молодой человек приятной наружности с темно-русыми волосами и яркими карими

глазами, с добрым лицом и мягкой улыбкой, он был не лишен харизмы, и окружающие оценивали это по достоинству. Было в нем что-то такое, что заставляло хорошо воспринимать свою жизнь: не бурным восхищением, а как-то уютно и по-доброму, словно жизнь не была такой уж плохой, и ты в ней чего-то достиг. Ему нравилось это чувство: пробуждать в других хорошо относиться к себе и к жизни.

Однако, когда удовлетворение со стороны других от жизни достигало пика (то есть, дело было сделано), он сразу же терял интерес и переключался на кого-то другого, кто нуждался в этой поддержке. Забавно, но ему нравилось, что его ценили, но не слишком, не восхищались. И, напротив, если он кому-то не нравился, если кто-то вдруг не ценил его натуру по достоинству, его это сразу удручало и огорчало. Таких людей он сразу отбрасывал от себя: с некоторой щедростью, если учесть, что таких было большинство. Словом, ему, казалось, нравилось подкармливать радостью других, но, если кто-то показывал свою радость от этого, этот человек сразу переставал его интересовать. Легко представить, что подходящей для него женщиной стала бы та, которая с теплотой принимает его дружбу, без сопротивления, но и без излишнего восхищения в ответ. Лина же была не из таких.

Лине вообще не нравились эти его методы. Вроде бы, его чувство к ней было искренним, но все же она не верила ему до конца. Возможно, в глубине души она понимала: как только он удовлетворит свою потребность заставить ее хорошо относиться к жизни, он сразу же ее бросит. Возможно, она не видела себя так, как видит ее он.

Каковы бы ни были ее мотивы, они были вместе уже полгода. За это время, все же, она не до конца прониклась его очарованием. Она не верила в его искренность, часто отталкивала от себя, но не настолько, чтобы он покинул ее. Его внимание к ней ей нравилось – но не в той степени, чтобы он был этим удовлетворен. Ей каким-то образом удавалось держать его ровно на такой дистанции, чтобы он от нее не отказался, а, напротив, испытывал тягу к ней, заставляя в ответ ее хорошо относиться и к жизни, и к нему. Она была загадкой, которую ему очень хотелось разгадать. Ее непреклонность и, в целом, ее отношение к нему были не очень любвеобильными. Она его не любила, а скорее жалела, ведь его нельзя было не жалеть, поскольку он оказался в плену своего хорошего нрава и своей приятной личности.

– Привет, прелесть. Как ты себя чувствуешь? – спросил Мишель, входя в палату. Лина взглянула на него и нахмурилась. – Ты прекрасно выглядишь. Многие после операции выглядят страшно, но ты – прекрасно.

Его замечание ее совсем не утешали.

– Конечно, ты понесла тяжелую потерю. Мне крайне неловко от того, что произошло – потеря ребенка и все такое.

– И все такое?! – в голосе Лины чувствовалось раздражение.

В этот момент Мишель был похож на грустного щенка – с неммым вопросом в глазах, не зная, что ответить.

– Из-за твоей бездумной езды я потеряла ребенка. Не надо тут приукрашивать!

Она была зла, и не боялась показать это ему. Ее даже не заботило, что вновь испеченные родители могут это слышать. Ему не нравилось, что кто-то на него сердился. Это противоречило его мировоззрению. Еще больше он досадовал, когда его отчитывали перед незнакомыми людьми.

– Я, уф, сожалею. Но, в конце концов, это всего лишь авария, – сказал он, пытаясь ее успокоить.

Он радушно улыбнулся молодой паре в другом конце палаты, хотя им от этого разговора явно было неловко. Ему же отчаянно хотелось извиниться перед ними, поздравить их с рождением ребенка.

Авария та произошла по его глупости. Перед тем, как сесть в машину, она спросила его тогда, в состоянии ли он сесть за руль, и он ответил, что все в порядке. Он слишком сильно

давил на газ, включил громко музыку, пел и подпрыгивал на сиденье, посматривал на Лину, приглашал ее тоже подвигаться, но она отказывалась. Его это разозлило, он еще прибавил скорость, но недосмотрел, и машина скатилась в кювет и врезалась в дерево. Удар как раз пришелся с той стороны машины, где сидела Лина. У машины была вмятина на крыле, но не страшно. Проблема была в том, что ремень, хотя и был пристегнут, отстегнулся. От удара Лину выбросило вперед, подбросило вверх, и левым боком она налетела на переднюю панель.

Травма от удара привела к потере плода.

– Авария! – сказала она, ее гнев все усиливался. – Ты вел как сумасшедший. Это ж не тарелку разбить. Ты убил мою дочь!

– Ну да, но...

Ему было трудно подобрать слова, которые могли сгладить его преступление, и он не мог придумать, что могло бы ее утешить. Если бы он сказал что-то типа «но это был всего лишь трёхмесячный зародыш», то это прозвучало бы бездушно. Он подумал было напомнить ей, что она все равно не хотела ребенка, но сомневался, сочтет ли она потерю ребенка решением проблемы. Нет, он ничего не мог сказать, что могло бы смягчить его бездушность. Вместо этого, он вздохнул и сжал губы, силясь нахмуриться. Он посмотрел на нее печальным взглядом в надежде, что она простит его. Она не простила.

– Нечего! Тебе нечего сказать, – заметила она. – Пожалуй, и мне тебе тоже нечего сказать.

– Ладно. Отдыхай, – сказал он с теплотой в голосе, надеясь, что этот его тон может смягчить ее. – Может завтра, когда тебя выпишут и ты будешь дома, я мог бы заглянуть к тебе. Можно?

– Нет, нельзя. Не надо меня навещать, – сказала она резко.

– Что? – сказал он в некотором недоумении.

– Не надо ко мне приходить, – объяснила она.

– Послушай, прелесть моя..., – начал он.

– Не называй меня так, – резко ответила она.

– Хорошо. Я вижу, ты злишься. Это вполне понятно.

В ответ Лина закатила глаза.

– Я дам тебе время остыть и позвоню через пару дней.

– Нет! Не надо мне звонить.

– Но...

– Нет.

Он сжал губы, сделал глубокий вдох и еще сильнее выдох. Медленно кивнул в знак одобрения. Он нагнулся, чтоб поцеловать ее в щеку на прощание. Она вытянула ладонь, останавливая его. Пожал плечами, и, с грустью, направился к выходу, снова взглянул на соседнюю пару с извиняющейся улыбкой. Те помолчали минуту, затем муж соседки что-то сказал про карточку, прикрепленную к одному букету цветов для мамы. Они еще о чем-то поговорили, делая вид, что ничего не слышали.

Остаток дня Лина провела практически в одиночестве. День для нее оказался изнурительным и скучным. Она пыталась не слушать и не встречаться глазами с соседями по палате, когда те включали телевизор. Ей эти телешоу, которые они смотрели, казались абсурдными, а им, казалось, совсем не хотелось смотреть Си-Эн-Эн.

К вечеру пришла мать. Лина не очень-то была рада видеть маму, но соседи по палате выписались, а к ней не то, что толпы родственников, вообще никто не приходил, поэтому еще один посетитель не мог не радовать.

– Привет, милая. Как ты себя чувствуешь? – мама спросила таким тоном, что, казалось, не была искренне заинтересована узнать ответ.

Она уже привыкла, что Лина никогда честно не отвечает на подобного рода вопросы. На вопрос «как дела?» дочь всегда отвечала «хорошо». Пока Лина пыталась откашляться и прочистить горло, чтоб заговорить. С тех пор, как ушел Мишель, она ни с кем не разговаривала, даже с медсестрами, в общении с которыми обходилась только кивками и негромкими звуками. Мама сказала, что заходила в больницу вчера вечером, но Лина спала.

– Ты, наверное, еще отходила от наркоза после операции. Я посидела с тобой минут десять, но мне все же надо было вернуться домой, чтобы отдохнуть и приготовить воскресный обед, – объяснила мама, оправдывая почему она опоздала, и почему ее до сих пор не было.

Лина поняла, что маме нужна похвала за это посещение и кивнула, одобряя ее решение прийти:

– Все хорошо, я сама справлюсь.

– Почему ты не сказала мне, что беременна? – мама прошептала, чтобы никто не слышал.

Хотя, кто мог услышать? Новоиспеченные родители час как ушли домой холить и лелеять свое чадо – так представлялось Лине, ведь все родители так поступают. Она завидовала этому ребенку.

– Срок был небольшой – чуть больше трех месяцев, – Лина объяснила с некоторым раздражением в голосе. – Я ждала, когда срок будет больше.

Она и правда планировала сказать маме в тот день, когда приехала бы к ней на обед, но авария помешала.

– Ну ты могла бы и пораньше сказать. Вчера мне пришлось все выяснять у врача, – сказала мама, чувствуя себя уязвленной. Лина не стала извиняться.

– А почему они поместили тебя в послеродовую палату?

– Не знаю. Больница была переполнена, когда меня сюда привезли, – ответила Лина несколько резко.

Этот тон не понравился маме.

– Ты не знаешь, кто это был – мальчик или девочка? – спросила она.

– Не знаю. Какая разница? – сказала Лина, еще больше раздражаясь.

На самом деле, она знала. Это была девочка: на прошлой неделе доктор ей сказал на УЗИ. Лина злилась, зная наперед, что мама не одобрит ее решения забеременеть, будучи не замужем: именно поэтому она и не говорила. Ей не хотелось подвергать себя и своего ребенка критике со стороны мамы раньше, чем следовало. В ее сознании вдруг мелькнула мысль, что ее ребенок никому не причинил вреда, и уже никогда не причинит.

Маму задело, что дочь раздражает расспросы, но она старалась не подать виду и сказала:

– Мне жалко, что так вышло с ребенком, но по крайней мере это разрешило ситуацию.

Она ждала, что Лина согласится. На этом этапе своей жизни Лина и правда не хотела ребенка. Ей было двадцать восемь лет, и пока материнские инстинкты в ней спали. До беременности она не хотела ребенка, но что-то сейчас заставляло ее не потакать матери и не соглашаться с ней. Возможно, это исходило от нежелания видеть в этом ужасном происшествии что-то хорошее.

– Когда тебя отпустят домой? Они сказали? – спросила мама, поглядывая на часы. Визит переставал ей нравиться.

Лина ответила:

– Завтра утром. Около десяти.

Она соврала. Возможно, ее отпустят раньше. Она сказала неправду, потому что мама могла еще раз прийти в больницу до того, как ее выпустят, а ей хотелось поехать домой одной. Ей не нравилось зависеть от благотворительности других, даже если это мама.

– Я буду на работе в это время.

О том, чтобы отпроситься с работы и забрать дочь из больницы не могло быть и речи.

– К тебе никто больше не приходил? – спросила мама.

– Нет, совсем нет, – сказала Лина, не желая обсуждать с ней Мишеля.

– Совсем никто? Я думала, Мишель придет, – с неодобрением отметила мама. – Учтывая, что он твой парень и что по его вине ты потеряла ребенка.

– Я не хочу об этом говорить, если ты не против, – сказала Лина в ответ.

– Я даже видеть его больше не хочу.

– Это понятно. Не хотелось говорить, но он мне никогда не нравился.

– Уж прям! – вырвалось у Лины.

Она помотала головой, не веря тому, что услышала.

– Мне жаль, но это правда: он мне не нравился.

Это не было правдой. Маме Мишель очень нравился. Они встречались несколько раз. Однажды он пришел на воскресный обед, и был очень любезен с ее мамой: хвалил еду, сказал, что Лина обязана красотой матери и говорил все то, что могло понравиться маме его девушки. Даже посуду помог помыть после обеда. Он хвалил отчима Лины за мудрость и восхищался его рассказами о военной службе. Сам факт, что ее отчиму понравился парень, с которым встречается его падчерица, большая редкость. Лине и не понравилось тогда, что Мишель смог войти в доверие отчиму. С ее точки зрения, завоевать отчима так легко можно было только притворством.

Нет, маме Мишель нравился, и она возлагала большие надежды на их отношения. Такая последовательность событий разочаровывала ее. Мама теперь потеряла того, кого считала будущим зятем, с кем было бы приятно проводить воскресные обеды каждую неделю, а вчера еще и узнала, что у нее могла быть внучка. По сути, она притворялась, когда говорила, что Мишель ей якобы никогда не нравился, и что в этой ситуации вообще есть что-то хорошее. Она это говорила, чтобы как-то поддержать Лину, взбодрить ее, но это не сработало.

– Мать, ну можно мы не будем о нем говорить? – воскликнула Лина.

Мама не любила, когда Лина называла ее так. Когда Лина была маленькой, она называла ее «мамочка». Затем, лет в восемь-десять, это переросло в «мам». А после того, как Лина окончила университет, она вдруг стала называть ее «мать».

– Хорошо, а друзья твои, коллеги по работе чего же?

– Что чего же? – спросила Лина, не понимая, что мама имеет в виду.

– Кто-нибудь из них приходил к тебе?

– Нет. У них своих дел полно.

Лина не стала говорить, что между друзьями и коллегами есть разница: ответила за всех сразу. Не хотелось обсуждать с мамой то, что у нее нет друзей.

– Я думала, твой начальник, Роджер Стринджер, хотя бы цветы пришлет. За твою хорошую работу.

Мама полагала, что нужно быть преданным начальству, и ей нравилось, когда начальство показывало одобрение этой лояльностью, и не просто зарплатой или премиями, но редкими любезностями, типа обеда или поздравления на работе с круглой датой.

– Он в Лондоне. Вчера утром уехал, – сказала Лина в его защиту. – Я отправила сообщение ему на телефон и еще позвонила в кадры и сказала, что меня не будет несколько дней. Наверно, он скажет что-нибудь, когда вернусь на работу.

– Я думала, он хотя бы цветы пошлет, – все еще протестовала мама.

– Это меньшее, что он может сделать как джентльмен.

– С чего бы? – вскрикнула Лина.

Она почувствовала острую боль в животе. Закрыла на минуту глаза, но быстро открыла, чтобы не показать маме, что ей больно.

– Не нужны мне цветы, – добавила она.

– Тебе плохо, дочь? – спросила мама. Она все же заметила, что та закрывала глаза от боли.

– Нет, все хорошо. Я просто хочу отдохнуть, – сказала Лина, намекая, что маме пора уходить.

Мама печально кивнула: она знала, что потеряла Лина, и в этот момент поняла, что она сама теряет в этот момент. Она понимала, что чувствует Лина, потеряв ребенка, но она также осознавала, что Лина все больше отдаляется от нее, от ее жизни. Было время, когда Лина сильно любила ее, когда она была для дочери примером. Лина была в первом классе, и они, бывало шли после школы, разговаривая о том, как прошел день, о том, кто из школьных друзей обидел Лину, о том, как глупо порой поступали учителя, о том, что будет, когда Лина вырастет. Теперь же, мама каждый раз старалась начать разговор так, чтобы улучшить отношения, но это не давало никаких результатов. Напротив, она, с каждым этим разговором, понимала, что теряет Лину. Иногда ее даже охватывала паника: она не знала, что сказать, что сделать, чтобы вернуть свою маленькую девочку, которую так сильно любит. В итоге, чем лучше старалась, тем хуже получалось. Как-то ей показалось, что не стоит стараться, надо просто дать время, и тогда отношения сами наладятся. Но и это не помогло. Не помогало ничего, и ничего не получалось исправить. Мама не понимала, что делает не так, потому что считала, что делает все правильно. Она лишь пыталась не показывать Лине, что переживает, интуитивно понимая, что признание вины только все ухудшит.

– Ну ладно, милая. Я тоже устала. Выходные были нелегкими, а мне еще твоему отцу надо ужин приготовить.

Мама называла своего мужа «твой отец», наверное для того, чтобы показать свою эмоциональную дистанцию, а не потому, что собеседник не знает, кто является отцом Лины. Лина вообще сомневалась, называла ли мама его «муж».

Сама Лина отцом его не называла. Это был всего лишь человек, за которого мама вышла замуж, когда Лине было двенадцать. Так она его и называла: муж мамы. Чтобы не показывать свою эмоциональную оценку, она нарочно не называла его по имени, когда обращалась к нему. Она и папой его не называла. Лина просто начинала говорить, а его задачей было понять, что она обращается к нему. Иногда он не понимал, что падчерица говорит с ним, но Лину это не беспокоило. Невелика плата за то, чтобы сохранить эмоциональную дистанцию. Она так и не потеплела к нему, возможно из-за верности отцу, которого она едва помнила, и который не заслуживал этой верности, если учесть, что он никогда не звонил ей, никогда не посылал им деньги и не помогал воспитывать ее.

Они попрощались, и мама ушла, оставив ее одну.

Идя по больничному коридору отделения, мама Лины заглядывала в палаты, где лежали молодые мамы. Ей вспомнилось, как сама она, тогда молодая мама, была пациенткой этой же больницы, лежала в этой же палате. Это было почти тридцать лет назад. Лина была самой большой радостью в ее жизни, и самой сильной болью было потерять любовь Лины за столько лет. Ей было страшно думать, что она однажды умрет, так и не помирившись с Линой. А вот внучка могла бы снова дать любовь.

Она уже много лет мечтала, что у Лины появится ребёнок, и надеялась, что это будет девочка, и тогда она уже не сделает ошибок, которые допустила в отношениях с Линой. Она не знала, что сделала не так, но точно бы не сделала этого впредь. Но возможность была упущена – сразу же, как только она о ней узнала. Кто знает, сколько времени пройдет, пока Лина снова забеременеет, если вообще это произойдет. С этой мыслью было сложно смириться. Она едва успела выйти из больницы прежде, чем расплакаться. Достала салфетку из сумки и прикрыла ей лицо, чтобы прохожие не видели, что она плачет.

Глава вторая

Лина спит, поворачиваясь с боку на бок. Во сне она видит себя ребенком, где ей года четыре. Она гуляет с другой девочкой этого же возраста, но имени подружки не помнит. Они на улице, где она жила в детстве. Кажется, они играют в какую-то игру: скорее всего, в чехарду. Они идут мимо дорожного слива. Она заглядывает туда: там темно, это ее пугает, она уходит, но чувствует, будто что-то обвивается вокруг ноги. Она наклоняется, и на ноге видит змею, которая выползла из люка: черно-серую, больше трех футов длиной. Она вскрикивает, и в это время еще две змеи обвиваются вокруг другой ноги. Другая девочка хватается первую змею за хвост и стягивает ее с Лины. Змея сердится и обвивается вокруг руки девочки. Подружка вскрикивает. Другие змеи отползают от Лины и заползают на девочку. Из канализации выползает еще больше змей и тоже ползут на них. Лина зовет на помощь, но никто не слышит.

Она поворачивается и видит, что на противоположной улице идет мужчина. На нем серое пальто и шарф. Она узнает своего отца, который бросил их с мамой, когда она была ребенком. Она пытается бежать за ним, но не может, ноги отяжелели, она с трудом ходит. На улице стало темно, ее отца уже не видно из-за темноты. Тяжесть в ногах проходит. Она видит, что стоит перед своим домом, и забегает в дом позвать маму.

Мама была на кухне и читала рецепт. Лина плачет, говорит маме о подружке и змеях. Мама говорит, что это глупости и спрашивает, как зовут подружку. Лина не помнит, и плачет еще больше. Лина пытается призвать маму помочь, ведь потом будет поздно, но та начинает ее отчитывать, пытаясь внушить, что это вздор. Тут Лина понимает, что это не мама ругает ее, это она сама, взрослая, отчитывает себя ребенка, приняв на себя роль матери. Это приводит ее в замешательство. Она перестает ругаться и смотрит на девочку, которую отчитывает. Это уже не она в детстве. Эта девочка перед ней очень грустная, у нее дрожит губа, из-за того, что на нее кричат, а кто эта девочка – она никак не узнает.

Лина совсем растерялась. Она говорит, что ей надо прилечь, у нее болит голова. Она идет в спальню, а незнакомая девочка плачет и кричит:

– Не бросай меня! Они меня съедят! Ну пожалуйста!

В ответ Лина тоже начинает плакать. Она не может смотреть в лицо этой девочке. Она падает на кровать и прячется под одеялом. Она слышит, как эта девочка всхлипывает и кричит:

– Спаси меня от них! Пожалуйста!

Лина пытается сказать, что ей так жалко эту девочку, но тут она понимает, что спит. Она находится то ли во сне, то ли наяву, но не может говорить ни там, ни тут. Пытается заговорить, уже наяву, но не может. Она заставляет себя сесть и все же вскрикивает.

Она опирается на руку, и в следующую секунду понимает, что это был сон. Снова ложится и проводит ладонью по лицу. Сон постепенно забывается, она решается подняться.

Она осторожно встает с кровати у себя дома, в первое утро после выписки из больницы. Чувствуется, что ей уже лучше, но не сказать, что совсем хорошо. Сил уже чуть больше, но низ живота все еще тянет и болит. Она медленно направляется в кухню, стараясь держаться поближе к стене. Стены в квартире она покрасила сама в пастельные тона, а сейчас ей показалось, что, коснувшись стены, она испачкала кончики пальцев – показалось настолько явно, что даже отерла пальцы о пижаму.

Шаркая по коридору, она вспомнила, как тщательно красила эти стены. Было в том что-то терапевтическое, схожее с медитацией. Она наносила краску на стену и чувствовала, как ее мысли словно смешиваются с краской и становятся частью стены.

Спокойствие определяет ее дом. Она всегда, без колебаний, называла этот дом своим, в котором и стены помогают, ведь они словно ее часть, а для нее самой иметь дом всегда было очень важно.

Она заходит в кухню. Солнечный свет просачивается через окно и распространяется по всей кухне. Чувствуется, что чисто, без запаха хлорки или других чистящих средств. Она дотягивается до верхней дверки шкафа и пытается достать кофе с верхней полки. Этот кофе с Коста Рики, ее любимый сорт, она варит его по случаю. Этот кофе не так легко найти, и она хранит его в глубине шкафа. От потягивания начинает болеть живот, боль отдает в левую ногу прямо до стоп. Она вскрикивает от боли, но все же достает кофе. Насыпает кофе в кофемолку, вздыхает. Живот снова прихватывает от боли. Она помолола кофе и нагнулась понюхать насыщенный теплый запах. Из шкафа она достает другую банку, с цикорием. Она слегка принюхивается, зная этот мягкий запах. Достает чайную ложку и смешивает с молотым кофе. Берет бутылку с водой со столешницы и наливает воды. В струе отражаются солнечные лучи. В этом плеске воды есть что-то жизнеутверждающее. Она включает кофеварку и прислушивается, как эта кофеварка начнет пыхтеть и потрескивать, чтобы приготовить для нее чашку кофе.

Ожидая кофе, она достает кружку, из которой пьет по выходным: эту кружку подарил ей знакомый из Швеции пару лет назад. Она наливает в кружку немного молока и кладет туда кусок сахара. Кофе готов. Она достает кофейник: ее кофе-машина варит почти на две чашки, и наливает себе в чашку. Какой знакомый этот звук: звук кофе, наливающегося в чашку. Это и успокаивает, и раздражает одновременно: как слова с несколькими непонятными значениями из языка, который она слышала всю жизнь, но никогда не понимала. Лина подносит кружку и слегка дует на кофе, добавляет свои звуки в беседу, в скучную музыку утра. Она делает небольшой глоток, ведь кофе еще горячий. Этот чудесный вкус – смесь кофе, цикория, молока и сахара. Возможно, эта какая-то химическая реакция или условный рефлекс, но ясность проносится по цепочке: от языка до головы. Она оживилась, и в гостиную идет уже смелее, но все же с осторожностью, держа чашку кофе.

Свой дом, а в особенности гостиную, она обставляла тщательно. Мебель в ее доме проста и удобна, и классическая, и современная. Она предвидела все, что может понадобится ей или ее редким гостям. Если вдруг у нее будут гости, она готова сделать все, чтобы они чувствовали себя комфортно. Она говорила себе: «У меня почти не бывает гостей, а если все же бывают, я хочу, чтобы они чувствовали себя уютно». Она сама себя считала отличной хозяйкой, хотя обычно и не принимала гостей.

На ее диване и креслах в гостиной приятно сидеть. Около одного из кресел стоит маленький столик с лампой для чтения: она усаживает здесь гостей.

На этом столике всегда лежала подставка-салфетка для стакана с напитком, который она подаст гостю, или для себя, когда одна. На эту подставку она поставила свой кофе и осторожно села в кресло, размещая себя, словно утка, приглаживающая перья после выхода из воды. От этого кольнуло в боку. На столике лежал фотоальбом, в котором были собраны ее лучшие фотографии за несколько лет.

Ей нравились картины Эндрю Уайета, и в своих фотографиях она пыталась их повторить. На картинах он часто изображал думающих людей. Этот художник рисовал фермерские домики, стены, окна и двери – и пейзажи выходили призрачными. Следуя этому веянию, она фотографировала бездомных, пожилых – они были грустные и сидели по одному. Двери она тоже запечатлела на камеру – в основном, старые двери, всегда закрытые, и они выходили как часть застывшего пейзажа. Ей нравилось чувство одиночества от этих фотографий.

Немногие понимали эти фотографии. В основном гости пролистывали быстро альбом и говорили, что это мило. Иногда говорили, что они мрачные, и это ее обижало. Этот альбом с фотографиями, это ее книга, содержит послание – то, что она хочет донести до своего гостя, до своего читателя. Может, эта часть ее скрытого желания иметь кого-нибудь, хоть кого-нибудь –

одного вполне достаточно – кто бы мог услышать крик ее одиночества. Если бы только один человек увидел бы ее настоящую, понял бы и, возможно, полюбил, она, скорее всего, была бы счастлива, и жизнь бы сложилась. Но никто не видел, и никто не понимал – так, по крайней мере, она это видела.

Затем вдруг зазвонил телефон. Она отложила альбом, взяла телефон посмотреть, кто звонил, но отвечать не планировала. Это была ее приятельница, Лекси. Они вместе работали, уже много лет: Лина в финансовом отделе аналитиком, а Лекси – в отделе маркетинга. Обе пришли в эту компанию студентками на стажировку. Познакомились на семинарах. Когда Лина была на последнем курсе, Лекси помогла ей устроиться на стажировку в компанию, после чего она и получила работу.

Лекси, наверное, включила автодозвон и не клала трубку. По мнению Лины, она была настойчивой и чересчур дружелюбной. Поначалу Лина чувствовала себя обязанной Лекси за то, что получила работу в этой компании, но через несколько лет это прошло. Лина совсем не была настроена болтать с Лекси по телефону, но треск телефона отдавался внизу живота, отчего было еще больнее. Она не могла больше терпеть и взяла трубку.

Она не успела ничего сказать, как Лекси закричала в трубку:

– Лина! Лина! Ты там? С тобой все хорошо? Это Лекси.

– Привет, Лекси. Да, я в порядке, – всякий раз, когда ее спрашивали как дела, это была ее дежурная фраза.

– О Боже! Я знаю, что случилось, – заявила Лекси.

В субботу Лина отправила сообщение менеджеру по кадрам, что попала в небольшую аварию, и ей придется побыть в больнице пару дней.

– А ребенок? С ней все в порядке?

Несколько недель назад Лекси заметила, что Лина странно себя ведет и немного поправилась, и Лина рассказала ей о своей беременности. Лина была худенькой, и любой лишний вес на ней был заметен и неестественен для нее.

– Ребенка я потеряла, – сказала Лина сухим тоном.

– Нет! Какой ужас! – крикнула Лекси. – Жалко как! Тебе должно быть совсем плохо. Я так сочувствую, – сказала Лекси.

Любой мог сказать, что Лекси вот-вот расплчется, но Лина этого не заметила.

– Все нормально. Мне не плохо. У меня все хорошо, – сказала Лина несколько неуверенно.

– Неправда. Так быстро не может быть все хорошо, – отрезала Лекси. – От этого долго приходят в себя.

Только тут Лина поняла, что ей плохо.

– Ну нет, правда. Нормально. Я не хотела ребенка, – сказала она в свою защиту.

Она знала, что Лекси не отступится от своего сочувствия, если она не объяснит и не переубедит ее.

– Не к месту бы это все было. Мне всего лишь двадцать восемь. У меня еще полно времени, чтобы родить детей... чтобы найти для них хорошего отца.

Лекси терпеливо слушала, позволяя Лине выговориться.

– С Мишелем, будущем отцом, мне было не очень хорошо. Ну сама подумай, какой из него отец? Нет, на эту роль он совсем не подходит, он сумбурный и безответственный.

Она остановилась, ожидая, что Лекси скажет что-нибудь, но та молчала. Лина вздохнула и потом сказала:

– Мне жалко ребенка, но это прояснило ситуацию.

– Ничего подобного! Я ничему этому не верю, – Лекси наконец-то заговорила. – Меня ты не обманешь. Ты хотела этого ребенка, и была рада, когда узнала. Я видела, как ты радовалась всякий раз, когда об этом говорила.

Лекси вздохнула.

– А теперь у тебя просто нет сил.

Лина не знала, что ответить. Она пыталась сформулировать ответ, чтобы защитить себя, но Лекси попала в точку, и Лина не могла найти слов, а лишь издала какие-то звуки в ответ.

– А почему ты мне не позвонила? Когда это случилось? – спросила Лекси, которая уже выпустила всю критику на доводы Лины.

– Случилось это в субботу вечером, – ответила Лина, почувствовав некоторое облегчение, что ей больше не придется оправдывать свои чувства.

– Ой, а я до сегодняшнего утра ничего не знала. Я вчера утром звонила тебе, когда ты еще не пришла, но никто не ответил. Я думала, что ты укатила куда-нибудь с Мишелем и прогуливаешь работу. Пришлось утром спросить в кадрах – от этой мымры Гамильтон ничего не добьешься. А девчонка из ее отдела сказала мне, что ты в больнице. Зря ты мне не сказала, я бы к тебе в больницу пришла.

Лекси всегда так говорила, всегда предлагала что-нибудь хорошее.

– Спасибо тебе, но все нормально. За мной хорошо смотрели, – объяснила она Лекси.

– Это понятно. Родители наверно были и Мишель, – тон Лекси смягчился, – но мне бы все равно хотелось прийти.

Лина поблагодарила и сказала, что она порвала с Мишелем.

– А я знаю. Он сказал мне, что ты хочешь с ним порвать.

– Ты что, звонила ему? – Лина удивилась.

– Да, я забеспокоилась, и не знала, в какую больницу тебя отвезли, – объяснила Лекси. – Насколько я поняла из его слов, ты не хочешь с ним видеться.

– А что он еще сказал? – спросила Лина, а затем добавила уже более спокойно. – Хотя не важно. Мне все равно.

– Ну, он расстроен, – быстро ответила Лекси.

Ничего подобного, он совсем не был расстроен, и Лина не поверила этому.

– Я потом позвонила в больницу чтобы сказать, что приду, но там ответили, что тебя уже выписали.

– Да ничего. Я не хотела, чтобы ко мне ходили толпы, – ответила Лина. – Но спасибо за участие.

– Ох.. Ну и сложно с тобой, – вздохнула Лекси и продолжила. – А сейчас-то как себя чувствуешь? Сильно болит еще?

– Немного болит, но все в порядке. Спасибо, что спросила, – вежливо ответила Лина.

– Я еду к тебе! – заявила Лекси.

– Нет, нет, не надо. Пожалуйста, не надо, – взмолилась Лина. – Я собиралась поспать.

– Я приду и помогу тебе, – ответила Лекси, злясь на себя, что только позвонила, а не пришла домой к Лине.

А не пошла, потому что знала, как Лина не любит незваных гостей.

– Нет, у меня все хорошо. Мне просто надо отдохнуть. В среду я уже на работу выйду.

– Так быстро? Не глупо ли? – спросила Лекси.

– Да нет, мне гораздо лучше. А к тому времени совсем окрепну, и увидимся на работе через пару дней.

– Вообще, не выношу, когда ты так вот блокируешь меня. Ладно. Спи давай. Но если что – звони.

– Позвоню. Спасибо, – спокойно ответила Лина, радуясь, что избежала гостей. Они попрощались и повесили трубки. Лина вздохнула, и прежде, чем положить трубку, немного

придержала ее. Ее пугала встреча с Лекси и остальными коллегами на работе, но жизнь продолжалась.

На следующее утро, на второй день после выписки из больницы, она решила заняться детской одеждой и вещами, которые прикупила. Купила немного, несколько вещичек – распахонку, ползунки, платьице, погремушку и маленькую ложечку с резиновым наконечником на ручке в форме Минни Маус, шапочку с надписью «Мамина принцесса». Она знала, что было глупо закупать вещички на таком раннем сроке, но втайне очень радовалась, что у нее будет ребенок.

Она разложила эти предметы на обеденном столе, где стоял букет цветов, который ей прислал начальник. Она грустно улыбнулась. Затем достала бумажный пакет, без надписи или эмблемы, и аккуратно начала складывать туда одежду. Завтра она передаст это в дом малютки, может пригодится какому-нибудь бедному малышу.

Складывая вещи, она подумала, может ли ребенок, новорожденный, считаться бедным. Что для ребенка деньги?

В ней было мелькнула мысль оставить эти вещи на будущее, но она тут же отмахнулась от нее. Она дала себе зарок не заводить отношений в ближайшие два года. Соответственно, детей у нее еще долго не будет, и вещи лучше отдать в детский дом.

Положив сверху шапочку в пакет, она вдруг подумала, что однажды может увидеть ребенка в этой шапочке, и в каком-нибудь парке незаметно сфотографирует этого ребенка и разбитую бедностью мать, и на том ребенке будет шапочка, и, наверное, ребенку будут давать пюре с этой ложечки Минни Маус. Ее воображение совсем разыгралось, и она представила, что возможно в этой девочке она увидит реинкарнированный дух дочери, которую потеряла. Она резко прервала эти мысли и напонила сама себе, что не верит во все это. Ложечка и погремушка отправились в пакет.

Она начала заворачивать пакет, но на минуту остановилась. Открыла пакет и достала ложечку. Она решала оставить ее себе, как что-то, принадлежащее ее дочке, хотя ее дочь никогда не держала и не использовала ее. Это была ложечка ее народившейся дочери. Это дань уважения ей. Но что-то еще было в этом решении.

Хотя она и не думала завести ребенка, ей начала нравиться мысль, что у нее будет дочь. Она бы любила ее всей душой. Они бы стали самыми лучшими друзьями. Может, она бы и не вышла никогда замуж и у нее бы не было лучшего друга, или даже настоящих подруг, но у нее была бы дочь, которую бы она любила, и которая, быть может, любила бы ее в ответ. Они были бы как те «Девушки Гилмор» – ей всегда нравился этот сериал. Когда она в детстве смотрела первые серии, то воображала себя младшей дочерью, Рори. Она и была несколько похожа на Рори – такая же простая красота, такая же умненькая и здравомыслящая. Лина хотела быть другом своей дочери, и она была уверена, что никто и никогда не отберет ее у нее. И пусть она теперь физически потеряла дочь, еще до ее рождения, она не отпустит свою мечту, свою надежду.

Она оставит ложечку с Минни Маус, и будет хранить ее под рукой, чтоб кормить надежду, чтобы однажды, пусть и годы спустя, ее дочь вернулась к ней, но не в обличье чужого ребенка – ее дочь никогда бы не вернулась к ней так – но ее дочь, которая будет с ней и они будут всегда вместе. Это, решила она, была ее вера, ее религия.

Линин медитативный день прервал стук в дверь. Никаких гостей она не ждала. Сначала подумала, что Лекси все же пришла, несмотря на то, что раньше согласилась дать ей отдохнуть. Она посмотрела в глазок. Это точно была не Лекси. Девушка за дверью была ниже ростом, со светлыми волосами, и она была ей не знакома, хотя и вид через глазок был искажен. Открыв дверь, она спросила:

– Здравствуйте! Вы что-то хотели?

– Здравствуйте, Лина! Как дела? – спросила девушка с беспокойством и заботой во взгляде. Девушка была привлекательной, чем-то напоминала Мерлин Монро в молодости. Лина озадаченно посмотрела на нее.

– Вы меня не помните? Я Джоанна. Мы встречались в воскресенье утром в больнице. Теперь, когда Лине дали контекст, она вспомнила.

– Да, теперь припоминаю. Простите.

– Отлично. Можно войти? – спросила она с улыбкой.

– А да, конечно, – сказала Лина не подумав.

Когда девушка прошла в квартиру, Лина спросила:

– Вам нужно что-то конкретное?

Девушка щебечущим голосом ответила:

– Я просто хотела узнать, как вы себя чувствуете.

Она остановилась на пороге и осмотрелась, где бы присесть. Она повернулась к Лине и сказала:

– Можно присесть и поговорить несколько минут?

– Вообще-то, я несколько устала. Время не подходящее, – сказала Лина, все еще не закрывая дверь.

Она была не в настроении рассказывать незнакомцам, как она себя чувствует. Тогда в больнице, когда эта девушка пыталась с ней заговорить, ей удалось от нее отбиться. Эта Джоанна сказала, что пишет кандидатскую диссертацию, изучает эмоциональное состояние женщин, потерявших ребенка в первом триместре беременности.

– Послушайте, а кто дал вам мой адрес? Почему вы пришли сюда?

– Ваш адрес был в медицинской карточке. Я в больнице спросила, можно ли вас навестить через несколько дней, – объяснила Джоанна, – вы ответили, что никаких проблем.

– Правда?

В тот раз Лина согласилась просто чтобы отвязаться от нее.

– Но вам стоило бы позвонить предварительно.

– Я пыталась, но вы не брали трубку, – сказала Джоанна в свою защиту. – Я забеспокоилась, вдруг что-то не так, и пришла.

Она улыбнулась Лине и повернула голову в сторону гостиной и сказала:

– Присядем ненадолго?

Лина кивнула в ответ с неохотой и закрыла дверь. Она последовала за Джоанной в гостиную. Джоанна села в менее удобное кресло, на спросив разрешения. Лина не стала предлагать ей сесть в более удобное, и не стала предлагать выпить. Она не хотела, чтобы та оставалась надолго.

Однако у Джоанны были другие планы. Из сумки она достала планшетку с ручкой. На планшетке она перевернула лист и вверху написала имя Лины и время разговора. Вкратце она указала и место: улицу, где жила Лина, и дом «опрашиваемого». С осторожностью Лина села в удобное кресло.

– Теперь, – заявила Джоанна, – скажите, что вы чувствуете – эмоционально. Вам грустно, у вас депрессия, а может вы испытываете раздражение от той ситуации, в которой оказались?

Лина вздохнула и несколько нервно ответила:

– Да, я испытываю раздражение.

– Хорошо. Это важно, что вы осознаете свое эмоциональное состояние и принимаете его, – сказала Джоанна, записывая слова Лины о чувстве раздражения. – Скажите, почему вы чувствуете раздражение? Вы сердитесь на себя за то, что произошла авария? На другого водителя? Или просто злитесь на жизнь?

– Авария произошла не по моей вине», – заявила Лина.

– Ага. Тогда вы злитесь на другого водителя, который нанес вам эту травму, – она сказала, записывая в планшетку.

– Никакого другого водителя не было. И я не была за рулем, – сказала Лина, все больше раздражаясь.

Это, казалось, привело Джоанну в замешательство. Она полистала страницы блокнота.

– Насколько я помню, вы попали в аварию.

– Это так, но за рулем была не я. Мы врезались в дерево, – объяснила Лина.

– Теперь понятно, – сказала Джоанна, перелистывая назад страницы и мельком поглядывая на Лину. – И вы сердиты на того, кто был за рулем? А кто это был?

Лина не хотела говорить кто. Она сказала:

– Знакомый.

– Понимаю... Это было первое свидание? – спросила Джоанна, делая пометки.

– Простите, но мне совсем не хочется обсуждать это с вами, – сказала Лина и встала, надеясь выпроводить Джоанну.

– Я знаю, что это тяжело обсуждать, но полезно – не только для вас, но и для моего исследования, которое может помочь другим женщинам, оказавшимся в похожей ситуации», – сказала Джоанна с надеждой и гордостью.

– И все же, я бы предпочла побыть одной, – честно сказала Лина.

– Я понимаю и уважаю ваше решение. Судя по этой комнате, вы цените прелести одиночества, – сказала она проведя рукой, в которой держала ручку, в воздухе, – но у дружбы тоже есть прелести.

Лина закатила глаза, отвернулась и сделала несколько шагов ко входной двери, все еще надеясь, что Джоанна последует в этом же направлении. Когда Лина встала, Джоанна увидела фотоальбом на столике около места, где сидела Лина. Она встала, подошла к альбому и взяла его, разместив его на планшетку, которую все еще держала. Листая фотографии, она спросила:

– Это вы фотографировали?

Лина обернулась посмотреть, о чем она спрашивает. Ее несколько задело, что Джоанна смотрит на ее фотографии, ведь для нее это было ценностью, но она не стала ее останавливать и сказала:

– Ну да, я.

– Интересно, – сказала Джоанна, рассматривая каждую фотографию. Она сидела в удобном кресле, поближе к свету. С особой тщательностью она рассмотрела фотографии старых дверей. Не отрываясь, она спросила Лину:

– Можно мне чаю?

Лина нервно кивнула головой. На этот раз ей не так-то просто будет избавиться от этой дамочки. Она прошла на кухню и налила чаю. Она не потрудилась спросить, нужен ли ей сахар. Через несколько минут она вернулась и поставила чашку на подставку рядом с Джоанной, которая все еще рассматривала фотографии и успела написать много записок, пока Лина делала чай. Лина попыталась подсмотреть, что она написала, но не смогла разобрать почерк сверху вниз.

– Спасибо, – сказала Джоанна, не отрываясь от фотографий, и даже не притронувшись к чаю.

Лина села в кресло напротив и ждала.

Одну из фотографий Джоанна рассматривала несколько больше, затем закрыла альбом, посмотрела на Лину и улыбнулась, ничего не говоря.

– Что такое? – спросила Лина, не вынося эту слишком длительную улыбку.

– Ничего, – ответила Джоанна, пожав плечами.

– Ну если ничего, то я бы хотела отдохнуть, – сказала Лина, надеясь выпроводить ее. – Завтра я собираюсь выйти на работу и мне нужно отдохнуть».

Улыбка Джоанны перешла в усмешку. Она громко выдохнула. Она закрыла блокнот и сказала:

– Хорошо. Я уйду. Но позвольте сказать вот что: я вижу, что вам плохо, и вы чувствуете одиночество.

Лина ухмыльнулась.

– Но у меня для вас есть предсказание.

Джоанна остановилась и ждала, что Лина ответит.

– Какое предсказание? – с неохотой спросила Лина.

– Все наладится, – сказала она, нагнув голову.

– Здорово, – сказала Лина с некоторой издевкой.

Она терпеть не могла, когда люди говорили стандартные фразы, говорили одни и те же предсказания, но никогда не говорили, как именно все наладится.

– Спасибо. Очень приятное предсказание.

Джоанна улыбнулась и промолчала.

Лина встала с кресла и сказала:

– Не хочу показаться невежливой, но я очень устала. Перед тем, как вы пришли, я собиралась прилечь.

– Конечно, – сказала Джоанна, вставая.

Она взяла сумку, которая стояла рядом с другим креслом. Уложив планшетку и ручку в сумку, она осторожно передала Лине альбом с фотографиями и сказала:

– Спасибо, что согласились показать альбом. Интересные фотографии.

Лина не знала, как расценивать это замечание, а в особенности тон, с которым это было сказано, но она поблагодарила Джоанну, положила альбом на место, и они направились в прихожую.

Джоанна достала из сумки визитку, передала ее Лине и сказала:

– Позвоните мне, если захотите поговорить.

Лина спокойно взяла визитку и сказала:

– Спасибо, не стоит беспокоиться.

– Все же буду рада звонку. И, если можно, я бы зашла проведать вас на следующей неделе.

Лина сказала:

– Спасибо, но в этом нет необходимости.

Она открыла дверь и неожиданно в нее вошел Мишель.

– Привет, малыш. Как ты? – сказал он.

– Чего это ты пришел? – с недовольством спросила Лина.

– Просто зашел проведать тебя.

Он посмотрел на Джоанну и, протягивая руку, представился:

– Здравствуйте. Я Мишель, друг Лины.

Прежде, чем Джоанна смогла ответить, Лина сказала:

– Бывший друг.

– Ого! – воскликнула Джоанна, пожимая Мишелю руку и переводя взгляд то на Мишеля, то на Лину.

Ей вдруг стало неловко, и она не знала, что сказать.

– Я знаю, что в воскресенье ты была не в себе, но сейчас-то ведь все прошло, – вопрошал Мишель.

– Нет, не прошло, – сказала Лина, все больше раздражаясь.

Он повернулся к Джоанне и сказал:

– Простите, я не услышал, как вас зовут.

– Ах да, я Джоанна. Я из больницы, навешаю пациентов на дому проверить, все ли в порядке, – объяснила Джоанна, не уточняя, что она психолог, которая работает над диссертацией.

– Какая забота о пациентах! Знаете, я всегда говорил, что миру нужно больше заботливых докторов и медсестер, – сказал Мишель, смягчая свой тон. Джоанна улыбнулась. Он ей явно понравился.

– Это просто необходимо. А вы доктор?

– Так. Довольно, – вмешиваясь, сказала Лина. – Я устала и хочу отдохнуть. Вам пора, – сказала она, посмотрев на Мишеля.

– Да, малыш, конечно, – сказал он с некоторым стеснением.

– Не называй меня так, – сказала Лина, подталкивая его к выходу. Джоанна тоже направилась к выходу, боясь, что ее выпихнут.

– Стой! – крикнула Лина. – Верни ключ от моей квартиры.

– Милая! – Мишель попытался протестовать.

– Дай сюда ключ! – выпалила Лина.

– Ты уверена? – спросил он заботливо.

Она ответила, что да. Он взглянул на Джоанну и сказал:

– Простите, что так все происходит. Для вас, должно быть, это так неловко.

Джоанна сказала, что все в порядке, хотя ей хотелось уйти как можно быстрее.

Лина стояла с протянутой рукой, ожидая, когда он отдаст ключ. Мишель с неохотой достал ключ из кармана, снял его с дужки и протянул ей. Лина резко взяла ключ, стараясь не касаться его руки. Джоанна с беспокойством посмотрела на нее.

Больше никому из них Лина ничего не сказала. Она закрыла дверь, стараясь не хлопнуть, поскольку Джоанна еще не успела отойти от порога. Зашелкнув дверь, она оперлась на нее. Направляясь в спальню, она слышала, как Мишель извинялся перед Джоанной и предлагал вместе попить кофе, чтобы сгладить ситуацию. Лина даже не стала слушать ответа. Она шла по коридору, сомкнув зубы, чтобы забыть обо всем. А забыть было совсем не легко.

Глава третья

Лина работала в деловом районе Филадельфии, на Маркет-стрит, недалеко от городской администрации, в большом бизнес-центре, на двенадцатом этаже. Несколько больших и престижных инвестиционных компаний, в том числе и та, в которой она работала, располагались здесь. Она гордилась тем, что работает в таком месте: в этом районе и в этой компании. Хотя ей не нужны были одобрения от других, но было приятно, что ее способности и таланты признавались. Это давало ей утешение: осознавать, что она что-то значит в этом мире и все вокруг об этом знают.

Окно офиса Лины выходит на маленький парк, и это доставляет Лине особую радость. У Лины отдельный кабинет, хотя в этом филиале компании работают около пятидесяти человек. Еще у компании есть офис в Сан Франциско, да и в Европе собираются тоже открывать представительства.

В свой первый рабочий день после больничного Лина надела простое, с коротким рукавом и кружевной окантовкой, хлопковое платье светло-серого цвета – очень скромно. Обычно к этому платью она надевала ремень, но сегодня решила не надевать – вдруг будет давить и заболит живот.

На двенадцатом этаже она вышла из лифта, глубоко вздохнула. Она успела выдохнуть до того, как ее успела заметить администратор, привлекательная девушка из штата Небраска, лет двадцати-двадцати пяти, по имени Уэнди.

– Ой, Лина! Как ты? – спросила Уэнди проходившую мимо Лину.

Девушку приняли на работу три месяца назад, и они едва друг друга знали.

– Спасибо, хорошо, – ответила Лина, надеясь, что на этом разговор закончится.

– Я слышала, что ты попала в аварию. Тебя долго не было. Все хорошо? – спросила Уэнди.

Она не знала о беременности Лины. Знали только Лекси и ее начальник, Роджер Стринджер.

Лине было трудно поверить, что эта девушка-администратор действительно может ей посочувствовать. Казалось, ее больше интересуют записи в Фейсбуке и жизнь знаменитостей. Все же из вежливости Лина сказала:

– Все хорошо. Синяки и царапины. Но спасибо, что спросила.

– Знаешь, если бы у тебя была страница в Фейсбуке, ты бы просто написала там пост, и все бы знали, что с тобой, – посоветовала Уэнди, пытаясь хоть чем-то помочь Лине.

– Наверно, мне стоит там зарегистрироваться, но это не мой стиль, – объяснила Лина Уэнди, но та нахмурилась.

Лина не регистрировалась в Фейсбуке, потому что не видела в этом смысла. Ей казалось там, по большей части, одна бессмыслица. Она не хотела никому рассказывать об отпуске или о том, что делает каждый день, а о том, чтобы писать об аварии и потере ребенка не могло быть и речи. Даже если бы она и решилась написать об этом, любой ответ в виде аббревиатур, иконок для выражения эмоций, рассердили бы ее.

– Ну, теперь хочу поработать, – сказала она.

– Да, конечно, – сказала Уэнди, извиняясь и соглашаясь.

– Да, чуть не забыла: Гамильтон просила тебе заглянуть к ней как придешь, до того, как пройдешь к себе.

Уэнди передала ей записку на розовой бумаге. Лина взяла записку и кивнула, слегка улыбнувшись.

Мисс Гамильтон была начальницей отдела персонала. Лина ее недолюбливала. Не то, чтобы начальница кадров была плохим или трудным человеком, просто Лина не могла потеплеть к ней. Их главный кадровик была несколько мужеподобной, но не это вызывало антипа-

тию к ней, а ее чрезмерная деловитость. Гамильтон настаивала, чтобы ее называли на «вы», и это раздражало Лину, ведь только с Роджером Стринджером она была на «вы» – и Лина знала, что он ценит этот знак уважения. Она подозревала, что эта такая коммуникативная тактика со стороны Гамильтон, чтобы держать дистанцию между собой и всеми работниками офиса. Лину же это просто выводило из себя.

Лина не спеша шла по коридору в кабинет Гамильтон, пытаясь не встречаться с людьми, но и специально не таясь. Она знала, что ей придется рано или поздно увидеться со всеми в офисе, и каждый захочет поделиться практическим советом или выразить сожаление или расспрашивать подробности аварии. Ее бесило это. До того, как она дошла до кабинета Гамильтон, ей попались только четверо, и те лишь спросили, как она себя чувствует: никаких вопросов про аварию. Очевидно, не все знали, что она попала в аварию и думали, что она была на больничном. Она отбивалась от них, благодарила их за заботу и говорила, что ее вызвала Гамильтон, и она не может остановиться поболтать.

Мисс Гамильтон не было в офисе, только ее ассистент. Ассистент сказала, что Гамильтон была в столовой, а Лине туда идти не хотелось. В это время там будет много людей – жаворонки щебечущие! Но ассистентка Гамильтон сказала, что сама направляется туда и проводит ее. Лина пыталась сопротивляться, но безуспешно. Ассистентка подцепила ее на крючок, и она даже подумать не могла, чтобы отказаться. Только войдя в столовую и увидев присутствующую там толпу, она поняла, что зря согласилась. Ассистентка направилась к кофе машине, а Лина осталась у входа и увидела Гамильтон, стоявшую спиной к ней.

В комнате всего сидело или стояло человек десять. Они (точно «жаворонки»!) улыбались, смеялись, хотя было начало девятого. Один-двое уткнулись в газету, но другие радовались началу дня. Лина же никогда не была оптимистично настроена по утрам, но и «совой» она тоже не была. Она просто проводила свои дни ровно, в заданном темпе.

Ассистентка дошла до Гамильтон и сказала:

– Лина тут.

Все увидели, как она вошла, перестали говорить и посмотрели на вход, куда указала рукой ассистентка.

– Лина, как ты? – спросил кто-то.

Другой спросил:

– Ты сильно пострадала?

Еще кто-то спросил:

– Бедняжка! Это из-за пьяного водителя?

Очевидно, в этом «клубе жаворонков» знали, почему ее не было на работе. Лину подвели в глубину комнаты, засыпая вопросами, как произошла авария, пострадал ли еще кто-то, больно ли ей было, чья была вина, на ходу ли машина, и была ли страховка у водителя.

Лина пыталась на каждый вопрос ответить кратко, чтобы свести на нет и закончить эту групповую дискуссию как можно быстрее. Она не сказала, что в аварию попала не ее машина. Не обмолвилась ни словом о том, что за рулем был Мишель, что он был навеселе. Она не хотела, чтоб они вмешивались в ее личные дела. К счастью, никто из них не знал, что она была беременна и в результате был выкидыш. Это превратилось бы в невыносимую какофонию написанных в словаре слов выражения сочувствия: «бедная», «жалко», «ужасно», «сердце разрывается», «трагедия».

Спустя пару минут вмешалась Гамильтон, и Лина была ей благодарна за это. Она прервала этот допрос и сказала:

– Простите, но нам с мисс Демур надо кое-что обсудить до того, как она вернется к своим обязанностям.

Она всегда всех называла по фамилии.

– Сюда, мисс Демур, – сказала она, показывая на дверь.

Когда они вышли, комментарии продолжались. Лина лишь улыбнулась, когда Гамильтон ухватила ее за рукав и повела к выходу. Они шли по коридору, а комментарии и обмен мнениями все продолжались.

– Может, она в результате получит новую машину, – сказал кто-то.

В ответ послушались звуки одобрения, показывая, что, возможно, это было бы наилучшим из результатов.

Еще один сказал:

– А она не плохо выглядит.

– Вряд ли ей надо было отдыхать пол-недели, – поделился наблюдением другой, за чем последовало несколько звуков одобрения в ответ.

– Это точно ее вина. Она, наверное, выпила, – это был последний комментарий, который Лина отчетливо услышала.

Звук их обсуждения резко прекратился, когда они зашли в кабинет Гамильтон и та закрыла дверь.

– Располагайтесь, – сказала Гамильтон, указывая на один из стульев для посетителей.

Затем она обошла стол и села за него. Лина присела, как и было сказано, но села осторожно, сжимая кулаки. Жесткое сидение было чересчур неудобным, учитывая ее травму.

– Ну, мисс Демур, как вы? – напрямую спросила Гамильтон, словно учитель физкультуры в старших классах.

– Спасибо, хорошо.

Она моргнула, расслабляя мышцы.

– Мы все сожалели, когда услышали об аварии. Я надеюсь, теперь все хорошо, – сказала Гамильтон с подчеркнuto сочувственным тоном, сцепив руки в замок и облокотившись на стол.

– Спасибо, мисс Гамильтон. Я признательна вам за это.

– Вы уверены, что готовы так скоро вернуться к работе?

– Да, я нормально себя чувствую. Спасибо.

– Хорошо. Вы молодая сильная девушка и тщеславная. Вы никогда не позволите вашей личной жизни мешать работе.

Она на мгновение улыбнулась, посмотрев в упор на Лину. Лина слегка улыбнулась в ответ. По сравнению с другими выражениями сочувствия, ей больше нравился этот холодный тон.

Гамильтон открыла папку на своем столе.

– Теперь перейдем к делу.

– Хорошо. Что я должна сделать?

– Вначале скажу, что, хотя вы и отсутствовали два дня, мы считаем только один.

– Это весьма великодушно, – из вежливости согласилась Лина.

– Да. Мне только нужно, чтобы вы подписали эту форму, где говорится, что вы понимаете и принимаете как будут учитываться эти дни по нетрудоспособности.

Гамильтон положила форму на стол и пододвинула ее к Лине. Лина слегка нагнулась, чтоб рассмотреть этот бланк, но вдруг почувствовала резкую боль в боку. Ей захотелось закрыть глаза, сделать вдох и на выдохе поглотить эту боль, но она забоялась, что это будет слишком заметно для Гамильтон. С трудом, она заставила себя не показать виду. Начальница отдела кадров положила ручку рядом с документом, которую Лина взяла чтобы подписать документ.

– Второй вопрос – подписать соглашение, где говорится, что ни компания, ни ее владельцы и руководители не заставляли вас возвращаться к работе в столь короткий срок, – сказала Гамильтон, положив перед Линой, сверху первого, второй документ. – И в случае возникновения проблем, вы не будете обвинять компанию, ее владельцев и представителей.

Лине захотелось закатить глаза, но она она удержалась.

– Конечно, – вместо этого сказала она и подписала второй документ.

– Очень хорошо. На этом мы решили все вопросы, – беспечным голосом сказала Гамильтон, взяв документы и сложив их обратно в папку.

– Теперь, вы можете вернуться к своим обычным обязанностям, – сказала она с улыбкой.

– Спасибо, мисс Гамильтон, – сказала Лина, сжав подлокотники кресла, готовясь встать.

– Еще один момент – Стринджер просил вас зайти к нему. Пожалуйста, зайдите к нему сейчас, – сказала Гамильтон.

– Он уже вернулся из Лондона? – спросила Лина.

– Да, вчера вечером, – почему-то с гордостью сказала Гамильтон.

Гордость, должно быть, была вызвана тем, что начальник не стал брать выходной из-за разницы во времени.

– Хорошо. Я сразу же зайду, – согласилась Лина с просьбой.

Стринджер ей нравился.

– Хорошего дня, – ответила мисс Гамильтон в ответ.

Лина надеялась, что Гамильтон отвернется, когда она будет вставать и не заметит, что Лине больно вставать, но Гамильтон не отвернулась, а Лина не могла скрыть, что ей больно вставать с этого кресла.

Увидев, что Лине больно, Гамильтон отвернулась к экрану и притворилась, что проверяет почту. Эти документы о непричастности компании уже были подписаны, и свидетельствовать обратное ей не хотелось.

Лина повернулась и медленно вышла из кабинета Гамильтон. На входе столкнулась с ассистенткой, которая несла почту для Гамильтон. Ассистентка приветливо улыбнулась Лине. Та в ответ тоже изобразила подобие улыбки.

Начальнику Лины, Роджеру Стринджеру, было за пятьдесят. Он был высок и слегка тучен в талии. У него были светло коричневые прямые волосы, всегда зачесаны назад. Ему требовалось всегда носить с собой расческу, чтобы «иметь опрятный внешний вид» – именно так он и говорил, на устаревший манер. Он вообще любил использовать такие слова, говорить старомодно. Он мог сказать что-то типа: «Прошу прощения, если был резок с вами нынешним утром. Я был в дурном расположении духа». При написании электронных писем он использовал британский вариант английского, ведь старомодный английский был частью того, что составляло его шарм.

Лина им восхищалась. Она в нем видела отца, который ушел, когда она была еще маленькая, а второй муж мамы не смог эмоционально заменить ей его. Роджер тоже относился к ней как к дочери, хотя у него и было двое своих родных дочерей, уже взрослых.

Лине всегда хотелось, чтобы он похвалил ее работу, чтобы результат его впечатлил. Это было одной из причин, почему она старалась и добивалась успехов в работе – только ради его похвалы, и он никогда не забывал ее похвалить, а она не хотела его разочаровать.

Когда Лина забеременела, она боялась, что он плохо подумает о ней. Но ничего подобного. Ее начальник узнал, что она в положении за день до того, как произошла авария, накануне своего отъезда в Лондон. Он узнал даже раньше мамы – ведь ей она собиралась сказать только в воскресенье. Она доверяла ему даже больше, чем маме, и он всегда ее поддерживал. Когда она ему сказала про ребенка, он сразу же поздравил ее.

Лина шла к нему в кабинет. Она завернула за угол и он сразу ее увидел, через стеклянные перегородки своего кабинета. Он сидел за столом переговоров и беседовал с двумя другими посетителям. Хотя Лина имела дело с большинством клиентов, этих двух она не узнала. Роджер что-то сказал им, наверное извиняясь, что придется прерваться. Затем он открыл дверь, как раз, когда Лина подошла к ней. Она тепло улыбнулась ему.

– Лина, как ты? – спросил он, дотронувшись рукой до ее плеча.

– Я в порядке – уже лучше. Спасибо, – ответила она.

Печально кивнув, он плотно сжал губы – как будто он сдерживал себя не заговорить в присутствии других. Он повернулся к посетителям и сказал:

– Прошу прощения, господи, мне нужно прерваться.

Они выглядели несколько растерянными, когда он жестом попросил их выйти.

Моя помощница позаботится о вас.

– Хэлен! – сказал он и отвернулся от двери.

– Да, сэр, – откликнулась помощница из своей стеклянной полу-комнаты.

– Проводите пожалуйста гостей в переговорную, дайте им кофе, печенье и все, что они пожелают.

– Конечно, – послушно ответила та.

Стринджер повернулся к гостям, которые выходили из офиса с несколько обескураженным видом.

– Прошу прощения. Мне нужно лишь несколько минут. Я к вам вернусь очень скоро, и мы сможем все обсудить, – сказал он с добрым выражением лица.

Они ответили, что все в порядке и не стоит беспокоиться. Они не лукавили. Его обаятельный взгляд, обходительный разговор помогали сгладить любую ситуацию, а ему – выйти из нее победителем.

– Спасибо, – сказал он и плавно закрыл дверь за посетителями, оставшись вдвоем с Линой.

– Лина, сядь пожалуйста.

Он проводил ее к креслу, на котором только что сидел один из посетителей, подвинул к ней кресло и придержал ее за локоть, чтобы Лина могла медленно и безопасно сесть. Он чувствовал, что ей больно. Ему тоже несколько лет назад делали операцию в нижней части брюшины – на желчном пузыре. Но и ее боль он тоже чувствовал. Ему была не чужда эмпатия.

– Лина, как ты себя чувствуешь, только скажи честно? – начал он разговор, присаживаясь рядом с ней.

– Хорошо, правда хорошо. Мне тяжело забыть аварию, и то, что было потом, но чувствую я себя хорошо, – объяснила она.

– На следующей неделе мне надо в больницу, но скоро я совсем поправлюсь.

Ей претило распыляться о своих проблемах, но с ним она была более откровенна, чем с другими.

– Хорошо. Понятно. А с ребёнком что? – спросил он гораздо более тихим голосом. Лина печально покачала головой.

– Потеряла? – спросил он с печальным выражением лица.

Она медленно кивнула, не поднимая взгляда.

– Как же плохо все. Мне очень жаль. Это какой-то трагический поворот событий.

– Спасибо за сочувствие, – сказала она, сдерживая слезы.

Он глубоко вздохнул и затем спросил:

– А эмоционально, как ты?

– Ну, с этим сложнее.

Ему она не могла лгать, но могла лишь избежать ответа, если только он не будет давить на неё.

– Могу себе представить, – сказал он, посмотрев на нее с беспокойством.

– Я не то, чтобы планировала ребёнка, – сказала Лина, пытаясь сделать потерю не такой страшной.

– И все-таки, как только процесс начался, даже если прошло только всего три месяца, ты не можешь не чувствовать потери, – сказал он добрым, утешающим тоном.

Лина не могла ответить, а лишь печально кивнула.

– Жаль, что я не мог приехать из Лондона, когда ты была в больнице. И эту дурацкую голосовую почту я проверил только вечером в понедельник. Тебя ведь тогда уже выписали?

– Да, в понедельник утром я уже была дома. Но все нормально.

– Нет, не нормально. Я пытался позвонить на домашний, но, наверно, ты отдыхала и не взяла трубку.

– Да. Извините, что не ответила, – сказала она.

Когда он звонил, номер не определился, и она не поняла, что это звонил он, и поэтому не взяла трубку.

– Нет-нет. Не извиняйся. Это я должен извиняться, а не ты.

Лина радостно улыбнулась.

– А цветы пришли? Я отправил их в больницу, но поскольку тебя уже выписали, их должны были доставить тебе домой. Я указал твой домашний адрес как запасной.

– Да, их доставили домой. И открытка очень красивая. Спасибо большое.

На открытке он написал: «Мне ужасно жаль, что так произошло. Пожалуйста, береги себя и помни, что ты не одна».

Она положила эту открытку в маленькую шкатулку, где хранились дорогие ее сердцу вещицы. Ложечка с Минни Маус может тоже быть там, в этой шкатулке, но не скоро. Пока она носила ее в сумочке.

– Пожалуйста, – сказал он, коснувшись её плеча.

– Ты уверена, что готова вернуться к работе?

– Да. Я уже использовала свои дни на больничный, а дни из отпуска брать не хочу, – сказала она, улыбаясь.

– Перестань. Мы не будем вредничать, если ты возьмёшь несколько дней на выздоровление, – сказал он строго.

– Я думаю, мисс Гамильтон может не согласиться, – заметила на это Лина.

– Да к черту ее и ее чертовы формальности, – сердито крикнул он.

Лине нравилось, когда он вел себя так, защищая её.

– Черт возьми, компания принадлежит мне, и главный тут я. Если я скажу, что тебе надо оплатить больничный и не сокращать отпуск, то так оно и будет.

Он вскочил.

– Я немедленно ей позвоню.

– Нет, пожалуйста, не надо, – взмолилась Лина, протестуя. – Я правда хорошо себя чувствую и очень хочу вернуться к работе.

Он поднял трубку и уже собирался набрать отдел кадров. Лина вскочила, чтобы остановить его, но резкая боль остановила её.

– Ой! – сказала она, согнувшись, правой рукой держась за стол, а левую положив на низ живота.

Она на минуту закрыла глаза. Стринджер положил телефон и подбежал к ней.

– Лина! Что случилось?

– Ничего, все хорошо, – сказала она. – Я просто слишком резко встала и живот схватило.

– Господи, да тебе домой надо! – запротестовал он.

– Нет-нет. Все хорошо. Мне просто нельзя резко вставать и резко садиться.

Стринджер нахмурился.

– Правда. Все хорошо. Не надо поднимать шум из-за этого, – сказала Лина покровительственным тоном, что поставило ее в равное с ним положение.

Он еще, словно непослушный мальчишка, пытался протестовать, но потом все же согласился. Хотя по отношению к Лине он занимал позицию отца, мальчишка внутри его всегда знал о превосходстве женщин. Ему удавалось скрывать это от других, но в такие моменты, как сейчас с Линой, он позволял себе слушаться.

Боль утихла, и Лина поблагодарила его за заботу. Сказала, что пойдёт к себе и поработает.
– Будь по твоему. Но если что-то потребуется, скажи мне, – сказал он, все еще неохотно.
Когда она выходила, он придержал ей дверь.

– Обязательно. Спасибо, – сказала она, тепло улыбаясь.

Когда Лина шла по коридору, то услышала, как Стринджер сказал:

– Хелен, зовите эту компанию сюда.

– Да, сэр, – сказала Хелен. – Уже идут.

Она быстро пошла за ними.

Он стоял в дверях и смотрел Лине вслед, пока она не повернула за угол. Он очень беспокоился о ней. Некоторые, подобные мисс Гамильтон сказали бы, что его чувства, в особенности к сотрудницам, являются показателями непрофессионализма. Но его, джентельмена старшей школы, это мало беспокоило. Если в нем разыгрались отцовские чувства к девушке, которая на него работает, то он отнюдь не намеревался отказываться от них. Он может и не показывать этих чувств, по большей части для того, чтобы другие сотрудники не поняли, что у него есть фаворитка. Но если он хочет, то будет заботиться о Лине.

Но причина была не только в его старомодности. Он чувствовал, что в глубине души Лине больно, хотя он и не знал, что послужило причиной этой боли. Он понимал, что Лине было трудно довериться кому-то, что она всех отталкивала. Поэтому он и не собирался отталкивать Лину, даже если на зло этой чванливой начальнице отдела кадров. Он вздохнул и вернулся к своему столу.

Сев за стол, Лина успокоилась, по крайней мере, на какое-то время. Это был ее дом вне дома. Свой стол, как и дом, Лина содержала в порядке. Она никогда не допускала завала бумаг на столе. Если она что-то заканчивала, она откладывала это, прежде чем приступить к чему-то другому. Она не верила в возможность делать несколько дел одновременно, считая это неэффективным способом работы. Дело свое она хорошо знала и делала добросовестно. Будучи финансовым аналитиком, она полагала, что это ремесло требует точности и аккуратности.

Компания специализировалась на управлении инвестициями, имела дело с богатыми инвесторами и фирмами, у которых были лишние средства и договорные инвестиции. Ее работа была делать прогнозы для клиентов на основе финансовых данных. Если она так скрупулезно не выполняла все расчеты, то и прогнозы ее не были бы такими надежными. Если будут ошибки в числах, на основе которых она делает свои прогнозы, компания потеряет доверие клиентов, а этого она допустить не могла.

Что касается личных отношений с коллегами, то Лина была закрыта для многих. Все же ей не составляло проблемы выступать перед группой людей, когда она представляла свои прогнозы. Презентации – это часть ее работы, она была в своей стихии, смелая и уверенная. Она как будто становилась другим человеком, и ее саму это поражало. На переговорах с клиентами, она могла говорить хоть с сотней людей сразу. Когда она говорила языком чисел, количество слушающих не имело значения. В общем, работу свою она любила и делала хорошо.

Лина начала работу с того, что поправила все предметы на столе. Ее не было лишь несколько дней, и к столу притрагивалась только уборщица. Поэтому все было точно так же, как когда она ушла. Все же она поправила органайзер, степлер, маленькую стеклянную коробку со скрепками и резинками, повернула компьютер.

Единственным личным предметом на столе была рамка с фотографией, которую она сама сделала. Всякий, кто подходил к ее столу, мог подумать, что в этой рамке будет фотография друга, члена семьи, или даже собаки из детства. Но это было совсем другая фотография – фотография старого дома с двумя закрытыми дверьми. Эту фотографию она сделала в одном городке на севере Италии, куда ездила летом с группой своих университетских друзей. Лекси поехать не смогла, поэтому ей не с кем было провести время.

Как-то на выходных она села на поезд и доехала до города на границе Италии и Швеции, а потом на автобусе добралась до одного местечка в горах. К удовольствию Лины, никто из друзей к ней не присоединился и никто из местных жителей с ней не общался, поскольку никто из них не говорил по английски, а Лина ни слова не знала по итальянски. Эти деревянные двери ей понравились, она сфотографировала их, и теперь смотрела на фото всякий раз, когда чувствовала, что мир слишком большой, или когда ей было грустно.

Она открыла нижний ящик стола, куда она клала сумку, пока была на работе. Но сначала она достала телефон из сумки и положила его на стол. Она взяла с собой ложечку Минни Маус. Подержав ее в руках, она подумала о ребенке, которого потеряла.

Когда она поняла, что беременна, у нее появилась цель в жизни – главная причина, почему надо работать и для чего надо терпеть. Неожиданно для себя самой она начала понимать, что все, что она делала, было для дочери. Теперь, когда дочери не стало, цели тоже нет. Это было странно. До того, как она случайно забеременела, у нее не было цели жизни как таковой, но это ее не беспокоило, и ей даже нравилась эта жизнь. Она просто не замечала, что смысла нет. Возможно считая, что смысл есть, и есть намерения, но они этот смысл для нее был совсем незначительными, и сводился лишь к причине проживать день за днём. А с осознанием того, что у нее будет ребенок это вдруг все обесценилось до такой степени, что она перестала понимать, что же для нее было важным.

А сейчас, что для нее важно сейчас? Ради чего жить? Чего ей теперь хотеть от жизни? Разве может что-то еще быть более важным, чем то, что она уже потеряла? Нет, депрессией она не страдала, чтобы там не говорила эта аспирантка из больницы. Просто теперь она ясно представила свою жизнь, и эта жизнь никак не могла быть описана исследованием этой Джоанны.

Об этом размышляла Лина, держа в руках ложечку с наконечником с Минни. На лице была спокойная улыбка. Все же она решила держать эту ложечку в сумке, а мысли при себе – чтобы никто не подумал, что она страдает послеродовой депрессией. Она подумала о своих сослуживцах. Все же хорошо, что они не знали о ребенке. Они бы подумали, что это сломило ее, бросились бы утешать ее, косо смотреть, что было бы совсем нелепо – ведь с ней все хорошо. Нет уж, свои мысли она оставит при себе. Ей никто не нужен. Не нужны ей эти люди, которые делают вид, что они друзья, и что она им не безразлична. И уж тем более она не хотела довериться тому, кто проявлял такую неискреннюю заботу.

Она спрятала ложечку во внутренний карман сумки – так она не испачкается, и никто ее не увидит. Наверно, надо какой-нибудь платок или чехол, чтобы завернуть ложечку. Она подумает об этом потом, а сейчас положит сумку в нижний ящик.

Компьютер включился, она начала работать – как будто и не было этих нескольких дней, но не так, будто в ее жизни не было ребенка. Стуча по клавишам, она поняла, что ребенок жил в ее сердце, и это всегда будет так. Ее восприятие прошлого, ее воспоминания уже сказались на том, что происходит сейчас – и еще долго будут сказываться.

Около половины десятого, в офис к Лине вбежала Лекси. Лекси имела обыкновение опаздывать на работу, но поскольку была хорошим сотрудником, никто, кроме, конечно, мисс Гамильтон, этих опозданий не замечал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.